

Текст · 14 октября 2022, 11:00

Егор Сковорода,

Пограничная зона. История украинки, которая пыталась спасти свекровь на оккупированных территориях и попала в руки силовиков из России

Embed Wrapper Not Realised

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

Embed Comment Not Realised

^[1]Анастасии Бортник^[2] 25 лет, до 24 февраля она жила в Харькове, училась там в архитектурном университете и работала закройщицей. Ее муж Николай^[3] — кадровый военный. Он сразу оказался на фронте, а Анастасия с матерью некоторое время оставались под обстрелами в Харькове.

«В начале марта мы выехали, — вспоминает Анастасия. — У меня не было сил там сидеть и смотреть на маму, маме очень тяжело все это давалось». Сначала думали отправиться в Германию, но от украинской границы их вез чех-волонтер, который предложил остаться у себя — так обе оказались в Брно.

Мать Николая — инвалид, она жила в Харьковской областной психиатрической больнице № 1, расположенной в селе Стрелечье^[4] на севере области. Село находится прямо у границы с Россией, было

захвачено сразу после начала вторжения и оставалось под оккупацией больше полугода.

Все это время Настя с мужем пытались забрать свекровь из больницы, но организовать эвакуацию врачей и пациентов ни у кого не получалось: украинских волонтеров туда не пропускали, мошенники брали деньги и пропадали. «Сотни больных, психически нездоровых людей. Проблемы с провизией, вопрос с отоплением. Уже скоро зима, а его там просто нет. У них нет газа. Врачи там оставались, поначалу готовили еду на кострах для такого количества пациентов», — так Бортник описывает ситуацию в больнице в конце лета.

Анастасия Бортник. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

Девушка попыталась связаться с волонтерами из Белгорода, ближайшего к Стрелечьему российского города. Жители оккупированного села посоветовали ей обратиться к Надин^[5], эта волонтерка собрала вокруг себя «Армию красоток».

Российские военные пропускали их на оккупированные территории даже в то время, когда там пропадали откровенно поддерживавшие войну активисты. Волонтеры^[6] из некоторых других проектов — как российских, так и украинских — сказали «Медиазоне», что им это кажется подозрительным. В отдельных публикациях даже утверждается, что «Армия красоток» связана с российскими спецслужбами. Сами «красотки» категорически отрицают такие подозрения, называя их «намеками и домыслами», они подчеркивают, что «с апреля месяца и по сей день тысячи людей получили и продолжают получать помощь» от движения.

В оккупированном Стрелечье об «Армии красоток» и правда отзывались с благодарностью. «Я искала разные варианты забрать свекровь, писала просто всем. И мне, наверное, человек семь сбросили вот этот номер Надин: что она хорошая, она поможет обязательно», — говорит Настя Бортник.

В «Армии красоток», вспоминает девушка, ей сказали, что если она хочет забрать свекровь, надо самой приехать в Стрелечье через Россию. «Приезжайте сами, мы вас скоординируем, но забирайте ее сами», — пересказывает украинка их слова.

Родные и друзья отговаривали ее ехать в Россию, объясняя, что это небезопасно, но Настя не послушала — другой возможности спасти свекровь она уже не видела: «Я уже отчаялась, психанула и поехала, потому что помощи просить было не у кого».

Звонок Феликса

В середине августа Анастасия Бортник выехала из Чехии, через Польшу попала в Беларусь, оттуда — в Россию и отправилась в Белгород. Российские пограничники, вспоминает девушка, допрашивали ее шесть часов, интересовались всеми контактами и фотографиями в телефоне, но все-таки пропустили.

Она рассказывает, что в Белгороде около недели жила с другими украинцами в квартире, снятой волонтерами из команды Надин, пока не получила от них сообщение с координатами места, откуда должен был стартовать автобус в оккупированные села Харьковской области. Девушка направилась туда.

Российский бронетранспортер на дороге возле Белгорода. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

26 августа ее муж Николай, находившийся тогда на фронте, получил видеозвонок с номера Насти — у него осталась запись этого разговора. В кадре, кроме девушки, он видит двух мужчин в камуфляже и балаклавах. Разговор ведет только один из них, человек с позывным Феликс^[7].

— Твоя девушка отсюда не уйдет, ей все, — объявляет он. — Но если будешь с нами сотрудничать, будет все хорошо у тебя, и деньги будут, и женщина будет у тебя, и все будет. А если ты не будешь сотрудничать с нами, считай, что ты ее решил. Мы ее отправим на передок к ребятам, будет помогать, убирать, чистить и ребятам помогать, которые без женщин несколько месяцев сидят.

Начав с этих угроз, мужчина в маске пытается выяснить у Николая, где он служит. Тот отвечает общими словами. Время от времени человек в балаклаве бьет Настю, та кричит.

— Говори, уебок, блядь!

Балаклава снова бьет девушку, она кричит и плачет.

— Говори, если ты хочешь, чтобы она осталась цела.

Настя всхлипывает.

— Ты меня слышишь? — повторяет он.

— Я вас слышу, — отвечает Николай.

— Хватит... — неразборчиво кричит девушка. — Просто говори!

— Ты слышишь меня? — еще раз говорит Феликс.

— Сколько вы хотите денег, возможно, сколько вы хотите денег, чтобы вы ее отпустили? — волнуясь, пытается уговорить похитителя Николай. — У меня

есть двушка, трешка, через *TrustWallet*^[8] я вам скину!

Она ехала забирать мою маму.

— Да хватит! — кричит Настя.

— Ты слышишь? — повторяет мужчина.

— Да мне нечего им сказать! Что я им скажу? Что я солдат? Что я им скажу? Я не знаю, что они хотят!

Некоторое время Феликс засыпает Николая вопросами, пытаюсь узнать, чем он занимается в армии и на каком участке фронта служит. Или, например, кто у них в отряде «особист» — этот вопрос ставит украинского солдата в тупик.

— Кто? Повторите. Не знаю такого. Кто это?

— Особый отдел.

— У нас нет такого отдела. У нас нет особого отдела.

— Как нет? Кто курирует войска?

— Нет у нас особого отдела. У нас нет такого.

— У вас нет куратора?!

Снова бьют Настю, теперь уже второй мужчина. Слышны удары и крики.

— Остановитесь! — молит она.

— Я не понимаю, о чем вы. Какой особист? — переспрашивает Николай. Снова слышны крики его

жены. — Что это за особист?! Нет у нас такого. Я не знаю никаких особистов. Может, у вас, у русских, есть какие-то особисты!

Николай тоже срывается на крик.

— Все зависит от ваших ответов, — через некоторое время повторяет мужчина в маске. — Если какие-то ответы будут неправильные...

Снова стоны.

— Если они правильные. Ваше звание, имя, фамилия, отчество, звание.

Снова крик.

— Я солдат-оператор.

— Подожди, я не слышу. Не ори, сука, блядь, — оборачивается мужчина к Насте. — Не ори. Задушу, блядь. Так, повтори.

Разговор быстро заходит в тупик, ответы Николая не устраивают человека в маске.

— Тебе язык, блядь, укоротить надо, — говорит он. — Как я понимаю. Давай я этой часть языка отрежу.

Сильный удар и крик. Еще один удар, потом еще несколько ударов подряд.

— Ай! Ай! Ай!

— Ну как, нравится тебе? — голос Феликса звучит довольно.

— Нет, конечно, не нравится.

— Сейчас кусочек языка отрежем, знаешь, чтобы она «тсь-тсь-тсь» разговаривала, — передразнивает он. — Нормально будет?

— Вы садист, я так понимаю?

— Не слышишь меня?

— Я вас слышу, — отвечает Николай.

— Я восстанавливаю советскую власть на фашистской-нацистской территории. Я самый большой денацификатор нацистов, уебков. Знаешь, сколько людей через мои руки прошли и сколько пройдут?

— Но вы же добиваетесь мира во всем мире. И свободы людям. Чтобы люди жили счастливо, как в Советском Союзе, — пытается понять его логику Николай.

— Да, мира. Потому что вы... Послушай меня. Потому что вы допустили клоуна у власти. Шута горохового.

Николай его перебивает:

— Моя жена пытается спасти мою маму-инвалида.

— ...И сделали войну.

— При чем здесь какие-то клоуны?! Она пытается спасти просто мою мать-инвалида, которая находится в зоне боевых действий!

На некоторое время наступает тишина.

— То есть... — начинает мужчина в маске.

Настя кричит.

— Все... — снова стонет она. — Сейчас не место твоему! — девушка переходит на неразборчивый крик. — Просто забери меня! Не будь придурком!

— Солнышко, я говорил тебе не ехать. Потому что...

— Слушай, тебе задаются конкретные точечные вопросы, — перебивает его Феликс.

— Да ты понимаешь что, — кричит девушка. — Сделай что-нибудь!

Она снова кричит. Звонок прерывается.

Поиски и встреча у изолятора

После этого звонка родные начали искать Анастасию. Ее мать связалась с волонтерами и правозащитниками, которые помогают оказавшимся в России украинцам. «Тут было два сценария, — рассуждает правозащитник Роман Киселев. — Либо ее должны были оформлять как военнопленную, и тогда бы мы ее нигде не нашли. Либо ее должны были оформить в качестве, ну, например, административно задержанной. У нас была такая практика».

Правозащитник Роман Киселев. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

Правозащитники знали, что в приграничных районах украинцев нередко отправляют под административный арест под выдуманными предлогами. Силовики в России вообще издавна пользуются такой возможностью, чтобы, формально не нарушая закон, удерживать интересующих их людей (например, пока идет неформальная проверка или заживают следы пыток).

На сайте одного из судов под Белгородом быстро нашлось решение по делу Анастасии Бортник. Суд арестовал ее поздним вечером 27 августа, на следующий день после видеозвонка мужу. В тексте решения^[9] сказано, что 26 августа патрульные полицейские заметили гражданку Украины, у которой были «явные признаки потребления наркотических средств: бледный цвет кожи, расширенные зрачки, замедленная речь, на задаваемые вопросы отвечала двусмысленно, резко меняющееся настроение, при этом запах алкоголя отсутствовал». Полицейские отвезли задержанную

в больницу на медосвидетельствование, но девушка отказалась его проходить.

В суде Анастасия Бортник признала вину, и судья назначила ей десять суток ареста по статье^[10] об употреблении наркотиков иностранным гражданином. Эта административная статья не слишком часто применяется в России, но в приграничном Белгороде силовики, видимо, сочли ее очень удобной для фабрикации дел против граждан Украины («Медиазона» обнаружила еще полтора десятка подобных арестов с начала войны).

Срок ареста должен был закончиться 5 сентября в 22:10. Волонтеры решили встретить Анастасию возле изолятора временного содержания на окраине Белгорода, куда ее отправили отбывать арест. Но сначала к девушке пошел адвокат (его пригласила «Русь сидящая»). Настя с опаской, но все же пообщалась с защитником.

Адвокат Катерина Маркова. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

Еще несколько дней она провела в изоляторе при отделе полиции по Белгородскому району на окраине города. К вечеру 5 сентября туда приехали и волонтеры с адвокатом Катериной Марковой, они опасались, что украинку могут еще раз задержать сразу на выходе.

Возле отдела уже стоял автомобиль с людьми в камуфляжной форме и масках — то, чего так боялись правозащитники. Но, увидев адвоката, силовики явно растерялись и начали кому-то звонить.

«Когда появляется адвокат, это всегда вносит сумятицу в ситуацию, — говорит Роман Киселев. — Потому что это все-таки человек с официальным статусом, который еще и защищен законом. И я думаю, они решили просто не париться и оставить ситуацию, как она есть».

Выходя из отдела вместе с адвокатом, девушка обернулась на людей в масках — и сразу же узнала тех, кто десять дней назад пытал ее.

Как попасть на оккупированные территории

Сидя в квартире на окраине Белгорода, Настя, хрупкая девушка с рыжеватыми волосами, созванивается с мамой, которая все эти дни не находила себе места в чешском городе Брно.

— Мышка, я тебя люблю, зайка, я тебя люблю, — успокаивает ее мама.

— И тебя люблю, мам. Прости меня, пожалуйста, — всхлипывает Настя.

— Мышечка, я тебя тоже люблю. Что там, помыться есть, что кушать есть у тебя?

— Все нормально, все есть, не переживай.

— Наркоманка маленькая, ты моя наркоманка.

Обе облегченно смеются, вспоминая, под каким нелепым предлогом суд арестовал девушку. Закончив говорить с мамой и чехом, который приютил их в начале войны, Анастасия рассказывает, что происходило с ней все эти дни.

Анастасия Бортник. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

«Это была моя инициатива полностью, все были против, — говорит она о своей поездке. — Но что меня остановит? Не думала я, что так все обернется. Совсем не думала. Это больше похоже было на шутку, особенно когда мне мешок на голову надели».

В Россию она попала 16 августа. На границе с Беларусью (ехала через Гомель) сотрудники ФСБ долго изучали ее телефон и расспрашивали обо всем, но пропустили. Пограничники, по словам

Анастасии, понимали, что ее муж военный — она и не рассчитывала, что сможет это скрыть.

Возможно, знали об этом и волонтеры из «Армии красоток», которые сказали украинке, что ей надо самой приехать в Россию. По словам девушки, прямо она им о профессии Николая не говорила, но по вопросам поняла, что те догадываются.

Надин из «Армии красоток» называет это предположение надуманным: «Анастасия Бортник в переписке со мной и "Армией красоток" никогда не указывала, что ее муж — кадровый военный. А любой человек, пересекающий границу в столь сложные времена, как сейчас, и имеющий родственников, причастных к армии, должен понимать, что ими вполне могут заинтересоваться структуры, отвечающие за безопасность страны, в которую или из которой человек едет».

Была и еще одна странность с этими волонтерами, говорит Анастасия. Еще в Чехии, по словам украинки, она связывалась с ними и спрашивала, могут ли они вывезти свекровь из Стрелечьего в Россию. «Мне пришел от них ответ, что свекровь совсем в плохом состоянии, что она не помнит сына, никуда ехать ей не хочется и что ее лечащий врач в эвакуации отказал, — рассказывает девушка. — Я пыталась узнать, с кем конкретно они общались, фамилию врача. Но никто эту фамилию не сказал. Я написала главврачу, и та мне сказала, что волонтеров в больнице и близко не было».

Переночевав в Брянске, Анастасия на следующий день добралась автобусом до Белгорода. Там она провела

шесть дней в квартире, снятой волонтерами Надин: «Это просто съемная квартира, там были четыре человека еще с Харьковской области, три мужчины и женщина. Там, получается, дедушка уже два месяца живет, он вообще при себе не имеет документов. И как бы вот он завис. Эти волонтеры ничего не говорят, что с ним будет дальше. Ну и, в принципе, там такие волонтеры, я никого из них не видела в лицо. Остальные беженцы, с которыми я общалась, никто их не видел в лицо, они просто предоставили жилье, и на этом все».

«Армия красоток» говорит, что Анастасия ошибается: «Без документов на квартире, арендуемой "Армией красоток" (стоимость аренды 40.000 рублей), жило на тот момент двое мужчин. Один из них – тот самый дедушка, который через некоторое время уехал в Швейцарию, второй – мужчина, который уехал в Бельгию. Опять же, все документы по поводу того, как мы помогали этим и другим беженцам с восстановлением документов, у нас есть. Всем, находящимся в этой квартире регулярно оказывалась помощь, как с оплатой аренды, так и с покупкой продуктов питания и всего необходимого для проживания».

Общение происходило в переписке. Через несколько дней, говорит Анастасия, ей написали, что из Октябрьского, поселка под Белгородом, будет автобус в Харьковскую область. «Эти перевозки организовал местный делец [из Харьковской области], у него были автобусы, чтобы они не простаивали, он начал их гонять от Казачьей Лопани до Октябрьского», — говорит украинка.

План был следующий: на этом автобусе добраться до Стрелечьего, там забрать в больнице свекровь, через пару дней вместе с ней вернуться в Белгород и оттуда перевезти ее в Европу. Анастасия пыталась договориться с волонтерами из «Армии красоток», «чтобы я поехала с ними, чтобы я не одна ехала, но они такие варианты не рассматривали».

Ей скинули точку — в селе Варваровка находится пункт временного размещения для беженцев и пост МЧС, где нужно зарегистрироваться, чтобы попасть в занятую Россией часть Харьковской области. Анастасия Бортник отправилась туда.

«Там женщина-полицейская, она проверила документы, спросила цель визита, — вспоминает девушка. — Зачем, когда, на сколько? Такие, обычные вопросы, без фанатизма. Она меня зарегистрировала. Эта женщина мне въезд разрешила, указала, что вот там-то ожидает автобус в таком-то часу».

Пока она ждала автобус, подошли двое полицейских: «Попросили меня с ними отойти в сторонку, поговорить. Попросили опять-таки мой телефон. Их смутил скриншот метки на карте». По словам девушки, это был тот самый скриншот с точкой на карте, который ей прислали волонтеры от Надин — пункт, где она должна была пройти регистрацию.

Полицейские попросили ее подождать, и через полтора часа приехал мужчина в штатском (Анастасия считает, что это был сотрудник ФСБ). «Много чего спрашивал, — вспоминает она. — Кто я, кто мой муж, еще какие-то родные, это все он писал на листочек. Потом опять попросил выйти».

Вскоре подъехал белый автомобиль с четырьмя мужчинами в военной форме без шевронов и с балаклавами на лицах. «Меня просто усадили в машину, кинули мои вещи в багажник, — рассказывает она. — Мне надевают на голову мешок. Я спрашиваю: "Что происходит? Зачем это?". Меня просят просто закрыть рот, и все, меня куда-то везут, все довольно агрессивно».

Допрос с мешком на голове. «Спрашивали о Путине, если ответ не устраивал, били»

Минут через 15–20 ее привезли на место: «По ощущениям, это какая-то то ли школа, то ли офис, потому что меня вели как будто между партами. Заводят в какое-то помещение, сажают на стульчик. Со мной начинает общаться какой-то мужчина. Сначала довольно вежливо».

Девушку с мешком на голове расспрашивали, куда она ехала, кого она знает в Украине, почему у нее мало фотографий на телефоне. Если ответы не нравились, ее били.

«Возле меня сел мужчина, один из тех, кто нас вез, у него была пластиковая бутылка с водой, — рассказывает Настя. — И, собственно, этой бутылкой били меня по голове. Душили. Потом, когда он порылся в моих вещах, они нашли маленький нож сувенирный, этим ножом гладил по горлу, по телу, потом просто так тыкал. Потом еще у них был пистолет, видимо, потому что им тыкали меня в грудь».

Такой допрос, по ее ощущениям, продолжался два-три часа: «Если они не верили в ответ, что я

здесь как бы без всяких злых намерений, то били. Спрашивали о власти, о Путине, если их ответ не устраивал, то били. Если ответ был какой-то, не знаю, короткий, не развернутый — били».

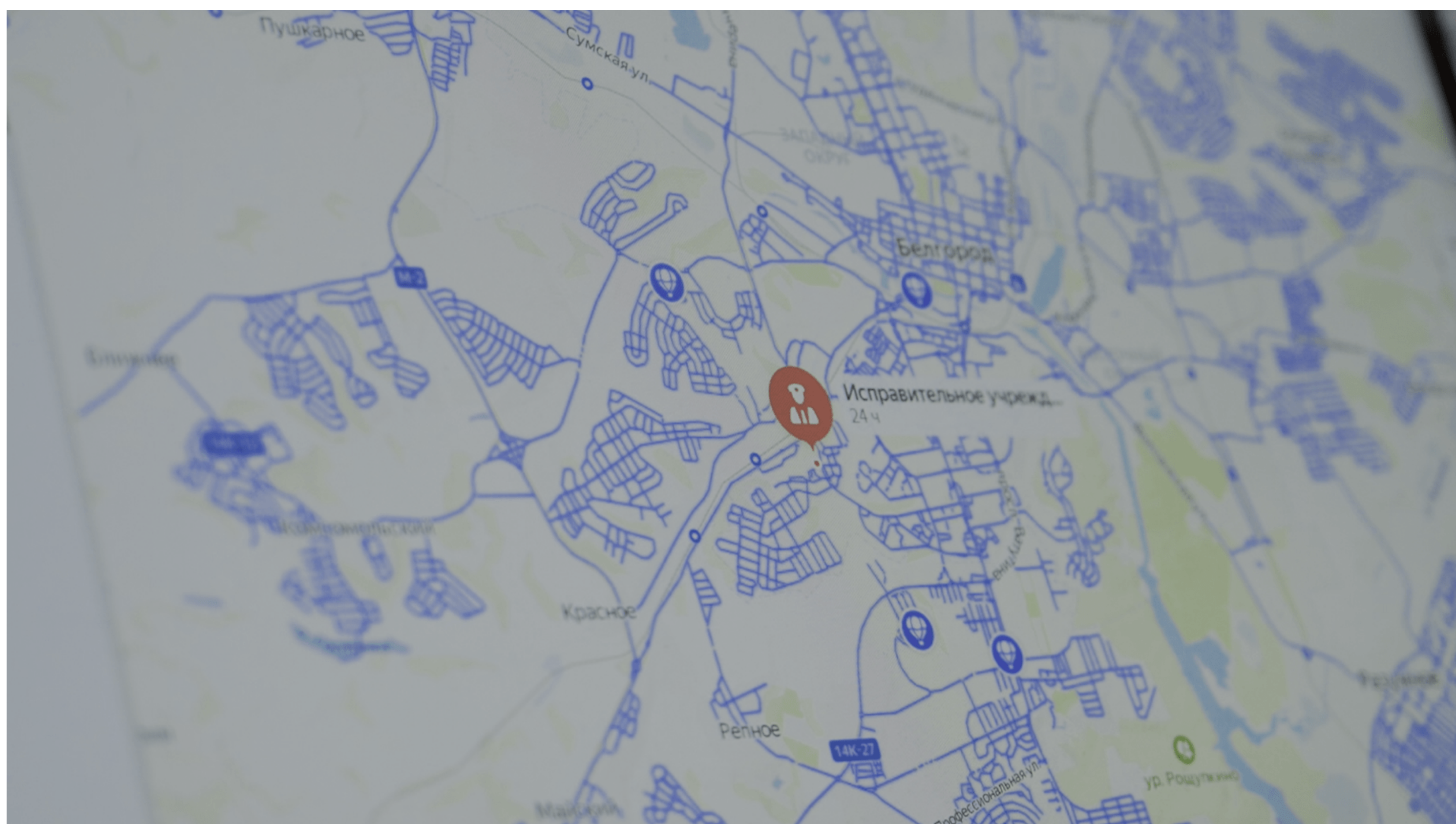
В один момент, вспоминает она, рывшийся в вещах мужчина попросил ее сложить вещи обратно и «поздравил — сказал, что я положила в сумочку пять грамм героина».

«Увидели, что я не реагирую, сказали, что, видно, какая-то у меня подготовка специальная, — усмехается Настя. — Но какая подготовка, просто если тебя долго бьют по голове, тебя героин не так сильно волнует в твоих вещах. Немножко не та ситуация была, чтобы меня расстраивал героин в моей сумочке. Меня беспокоило, что меня могут убить».

Когда вопросы закончились, люди в балаклавах решили позвонить ее мужу-военному, хотя Анастасия и говорила, что тот вряд ли сможет взять трубку. Она говорит, что, несмотря на реальные удары, все выглядело как «театр для запугивания мужа»: «Перед звонком они спросили, есть ли мне во что переодеться. Полазали в моих вещах, нашли там футболку и штаны. Они перед этим сделали мне отсечки на одежде и в процессе видеозвонка просто ее порвали, чтобы как бы запугать, убедить в своей серьезности».

Она вспоминает, что пока Феликс разговаривал с Николаем, другой мужчина вывел ее из кадра: «Он сказал мне, что все, не плачь, смотри: я бью бутылкой, и ты кричишь. В этот момент бить по-настоящему перестали. Просто он сидел, на ушко шептал: "Кричи

громче. Скажи то и то". Вот он дал мне одежду, дал мне прикрыться и как бы сидел, шепнул на ухо, успокаивал меня, чтобы я не плакала. Какой-то сюр начался, стал меня обнимать, пытаться успокоить. В общем, не знаю, что это было и для чего».

Геолокация изолятора временного содержания в Белгороде. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

После завершения звонка Настя попыталась выяснить, что ждет ее дальше: «Меня интересовало, не застрелят ли меня где-то и не бросят ли меня в канаву. Я пыталась это выяснить, но мне сказали, что сейчас есть два варианта. Либо тебя сейчас везут в камеру-одиночку в СИЗО, либо тебя сейчас везут в лагерь для военнопленных. Начинают смеяться, что тебе там вряд ли понравится с вашими хохлами, что там... Начали вести речь о насилии, все в таком духе. Ну, в общем-то, пришли мы к тому, что меня везут все-таки в СИЗО, что я там ожидаю. Чего ожидаю, не сказали. Телефон не вернули. Меня куда-то повезли, вывели из машины и тогда уже сняли мешок, как я понимаю, перед начальником отделения полиции».

Десять суток «политической мадам»

Человек, перед которым силовики сняли с головы девушки мешок, представился ей Денисом Игоревичем Лаптевым — это один из руководителей отдела полиции по Белгородскому району, того самого, где Анастасию найдут потом волонтеры и правозащитники.

На территории местного отдела полиции по Белгородскому району. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

«Попросил меня не плакать, — вспоминает встречу девушка. — Сказал, что тебя сейчас здесь трогать уже никто не будет. Сказал, чтобы я ни в коем случае не соглашалась на медосвидетельствование. Чтобы меня было за что посадить».

Отказ от освидетельствования дал силовикам возможность составить протокол по соответствующей статье КоАП^[1]. Она кивнула. После этого уже сотрудники полиции повезли Настю в Центральную районную больницу в Белгороде. Медики, по ее словам, прекрасно понимали, что происходит, и называли ее «политической мадам»: «Я так поняла, что я у них такая не первая и совсем не

последняя. Что у них частенько бывают украинцы в таких ситуациях».

Из больницы Анастасию вернули обратно в отдел, составили протокол об употреблении наркотиков и отказе от освидетельствования, а потом по видеосвязи провели заседание суда: «Я перед этим пыталась спросить их, а что мне, собственно, говорить? Потому что я толком не понимала, а за что меня сажают. Полицейские сказали, что судье уже, скорее всего, позвонили, она ничего спрашивать не будет».

Видео включали с телефона, ей кажется, это был *Zoom*, «связь лагала ужасно». Но судью ничто не смутило. «Это у нее заняло буквально минутки три, — рассказывает девушка. — Она сказала, что все ясно, ожидайте решение. Меня обратно повели в дежурку ждать, и часа через полтора мужчина привез документы с решением. В котором было сказано, что меня на десять суток закрывают».

Настю отвели в подвал, видимо, в изолятор временного содержания. «Там описывают еще раз мои вещи. Там сидела девушка. Но они записали не все мои телесные повреждения, записали только пару ссадин. У меня были следы на горле от того, что меня душил тот мужчина. У меня за ухом была довольно большая шишка и синяк, их тоже не записали. У меня на руках были синяки, потому что я пыталась закрыть голову», — вспоминает украинка.

Ее посадили в отдельную камеру. Все эти десять суток она пыталась упросить хоть кого-то из сотрудников

дать ей телефон, чтобы она могла сообщить родным, что жива, но никто не решился.

Сотрудники намекали Анастасии, что одним сроком дело может не ограничиться: «Про других украинцев мне рассказывали дежурные из ИВС, что у них бывали тут разные люди, вплоть до того, что была беременная девушка. Украинка тоже. Тоже, как я, в таком плане. Рассказывали, что тут сидел мужчина месяца два, наверное, просто потому, что у него был в телефоне контакт военного ВСУ. Говорили мне, что твой срок может быть неоднократным. Морально меня подготавливали, что, смотри, может быть, ты отсидишь и будешь еще раз сидеть».

Все эти дни ее мысли занимали две вещи: люди в масках, которые грозились прийти к ней на разговор, и отобранный мобильный телефон. «Потому что мне объяснили так, — говорит украинка. — Смотри, если сейчас принесут телефон, то все хорошо, ты выйдешь, пойдешь по своим делам. Если нет, может быть немножко по-другому. Может быть, сейчас тебя опять заберут и будут с тобой дальше общаться. И, скорее всего, ты вернешься обратно сюда».

Люди в масках так и не пришли. Телефон ей так и не вернули.

3 сентября, после того как родные начали искать Настю и о ней узнали правозащитники, в ИВС пришел адвокат. Это было неожиданностью не только для полицейских, но и для девушки. «Она мне какую-то записку тайную передала от мужа, от мамы, — говорит Анастасия. — Но я понимала, что там нет ни слова, какого бы не было в моем телефоне. То есть

это уже можно было бы налепить, придумать как-то. Но я все-таки доверилась ей в этой ситуации. А не было другого выхода».

Так что Анастасия уже не удивилась, когда вечером 5 сентября на выходе из отдела ее снова ждала защитница: «Меня взяли за руку. Я увидела, что у выхода под деревом стоял один мужчина в маске. Это, очевидно, был тот, который меня вез. По правую сторону тоже стояли два человека, очень похожие на тех, кто меня возили и со мной общались и били меня. Один из них сразу отвернулся, который был ближе к дверям, а остальные просто стояли. Общались между собой немножко в стороне. К счастью, отбирать меня они не стали».

«Было страшно, но как-то уже, что ли, безразлично, — замечает она. — Потому что, пока я сидела... ну, честно, страшные мысли в голове летают, ты себя уже хоронишь. Потому что, ну, черт его знает, что у этих людей в голове».

Освобождение

«До сих пор нет ощущения, что это все реально. С момента, когда я села в машину [с людьми в масках], у меня ощущение реальности в принципе пропало», — признается Настя, пока едет из Белгорода в Беларусь.

Анастасия Бортник. Скриншот из документального фильма «Пограничная зона»

Ей стало спокойнее, когда она наконец смогла поговорить с мужем (сразу после освобождения они связаться не смогли): «Вот тогда меня уже отпустило. Потому что меня клинило, я очень сильно переживала, я же понимаю, как это было с его стороны, как это он видел [во время видеозвонка]».

Через Беларусь Настя попала в Европу и вернулась в Чехию как раз в те дни, когда украинская армия начала контрнаступление под Харьковом. После бегства россиян было освобождено и Стрелечье, куда девушка безуспешно пыталась попасть во время оккупации.

Через некоторое время сотрудники психиатрической больницы, где находилась ее свекровь, начали эвакуацию пациентов. Во время одной из попыток колонну обстреляли, погибли четверо врачей. Но 21 сентября пациентов все же вывезли, Настя вернулась в Украину и наконец увидела свекровь, которую пыталась спасти с первых дней войны.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Обновлено 20 октября в 16:36. В тексте исправлены некоторые формулировки, касавшиеся деятельности белгородских волонтеров из «Армии красоток». Также в текст включены их комментарии, которых изначально не было в материале, поскольку перед публикацией мы не связались с этими волонтерами. Мы приносим за это извинения «Армии красоток» и нашим читателям.

1. Имя изменено.
2. Имя изменено.
3. Имя изменено.
4. Стрілеча на украинском.
5. Она же Надежда Россинская.
6. Собеседники просили не указывать их имена по соображениям безопасности.
7. Или Феникс. Анастасия Бортник говорит, что слышала, как этого мужчину называли Феликс или Феникс, но точно разобрать его прозвище не смогла.
8. Приложение для смартфона, которое позволяет заводить криптовалютный кошелек.
9. Есть в распоряжении «Медиазоны».
10. Часть 3 статьи 20.20 КоАП (потребление наркотических средств в общественных местах или отказ от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, совершенные иностранным гражданином).
11. Часть 3 статьи 20.20 КоАП (потребление наркотических средств в общественных местах или отказ от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, совершенные иностранным гражданином).